

Глава 3

Дом семьи Лю представлял собой типичное крестьянское подворье: жилое строение с тремя комнатами, где центральная была главной, а по бокам располагались кухня, дровяной сарай, свинарник и уборная.

Уборная была сколочена из нескольких досок и стояла рядом со свинарником. Но самое странное было то, что между свинарником и уборной находилась небольшая комнатуха, в которой теперь жил дедушка Лю.

— Дедушка, в кувшине нет воды. Выпей пока это, я пойду вскипячу, — сказал Лю Цишуан, встряхивая глиняный кувшин. Выйдя из комнатухи, он почувствовал, как к глазам подступают слёзы.

Раньше дедушка спал в дровяном сарае при кухне. Но недавно он заболел, и его мучил сильный кашель. Комната родителей находилась рядом с сараем, и отец, жалуясь, что дедушка мешает ему спать, выгнал его в эту каморку при уборной.

Раньше это был хлев. Несколько лет назад отец отвёл их корову в дом семьи Сюй, и хлев опустел. Кто бы мог подумать, что спустя годы он станет спальней для дедушки.

Он хотел уступить деду свою комнату, но ни дедушка, ни отец не согласились. Когда он попытался перенести дедушкину постель к себе, отец выхватил у него одеяло, швырнул его в хлев, а затем схватил палку толщиной с его руку и погнался за ними.

Ему-то было всё равно, боль от ударов проходила за несколько дней, он привык к побоям. Но дедушка — другое дело. Говорили, что у стариков кости хрупкие и легко ломаются.

Перелом — это не синяк, это страшно и опасно. Он не осмелился рисковать и лишь беспомощно смотрел, как дедушка устраивается на ночлег в этом хлеву.

С пустым кувшином в руках Лю Цишуан пошёл вдоль стены дома к кухне. Подойдя к двери, он увидел, что мать чистит обувь у сточной канавы. Он хотел что-то сказать, но промолчал.

Он больше не решался рисковать.

Он хотел попросить мать разрешить дедушке поспать несколько дней в доме, но передумал. Он боялся, что она сейчас согласится, а когда вернётся отец, всё ему расскажет, и тогда им с дедушкой снова достанется.

У его матери язык был без костей, и она любила рассказывать отцу обо всём, особенно выслуживаясь перед ним. Он уже не раз страдал от её доносов и больше ей не верил.

Он думал, что даже сегодняшнее происшествие, стоит ему чем-нибудь ей не угодить, она тут же перескажет отцу, чтобы тот его побил, а она получила удовольствие.

Комнат в доме Лю было немного, зато двор был просторным. Вдоль стены протекала подземная речка, выведенная с соседнего поля. У выхода воды стояла большая каменная кадь, так что с водой проблем не было.

Войдя в кухню, Лю Цишуан поставил кувшин на очаг, а затем взял деревянное ведро и тыквенный черпак, чтобы набрать воды. Кадь всегда была полна до краёв, а черпак — большим. Несколько раз зачерпнув, он набрал полведра — этого хватило бы, чтобы вскипятить целый кувшин.

Вернувшись в кухню, он вылил воду в большой железный котёл, накрыл его крышкой, чтобы быстрее закипело, и сел разжигать огонь.

У крестьян всё шло в дело. Урожай — само собой, это самое главное. Но и солома после жатвы тоже была полезна.

Стебли риса, кукурузы, пшеницы — всё находило применение. Кукурузные и бобовые стебли шли на растопку. Рисовая солома — на подстилку и на корм скоту, особенно мулам и лошадям. Иногда, если своей соломы не хватало, её даже покупали у соседей. А из пшеничной соломы плели разные поделки и циновки на продажу, что приносило дополнительный доход.

Положив в топку охапку кукурузных стеблей, Лю Цишуан поднял глаза к потолку, но его взгляд скользил не только по нему. Он смотрел на три очага, на большую кадью за стеной, на каждый уголок в доме.

Их дом был хоть и небольшим, но дедушка построил его сам, своими руками. Он сам уложил каждый кирпич на полу, сам смастерил кровати. Каждая горсть земли, каждая черепица на крыше — всё было пропитано его потом.

Всё в этом доме было создано дедушкой, но теперь он не мог пользоваться ничем из этого, вынужденный спать в хлеву, где зимой было холодно, как в леднике, а летом — душно и воняло.

«Я должен жениться на Вань Дунъяне. Только он сможет проучить этого негодяя».

— Что ты там бормочешь?

Мать вошла так внезапно, что у Лю Цишуана душа ушла в пятки. Если она узнает о его планах, ему конец. Отец терпеть не мог Вань Дунъяна. Нельзя, чтобы она узнала, что он мечтает стать его фуланом.

Если узнает она, узнает и отец, и тогда ему несдобровать.

— Ничего... ничего не говорил. Просто сказал, что Вань Дунъян — негодяй, — не решаясь отрицать, что она могла что-то услышать, Лю Цишуан осмелился произнести лишь последние слова.

Услышав это, Лю Цунсян успокоилась. Она и вправду расслышала что-то про негодяя.

Наступал третий месяц. Хотя в этом году и был високосный месяц, весенние холода подходили к концу, и скоро можно было снимать тёплую одежду. Глядя на большой котёл с водой, Лю Цунсян скривилась, но всё же не удержалась и сказала сыну, подбрасывающему дрова в огонь:

— Не слишком-то балуй старика, а то привыкнет, кто за ним потом ухаживать будет? Что за время года такое, чтобы воду кипятить? У нас вода из родника, её можно пить прямо так. Зачем зря дрова жечь?

— Пить сырую воду вредно. А дрова — не проблема, я в свободное время в горы за хворостом схожу, — Лю Цишуан не слишком боялся матери, но и перечить ей не осмеливался, лишь тихонько пытался отстоять своё.

Лю Цунсян лишь закатила глаза в ответ. Она хотела пойти в дом, найти хороший кусок ткани, чтобы сшить мужу весеннюю одежду, но, едва выйдя из кухни, увидела гостей.

Увидев стоящую за воротами женщину, Лю Цунсян вздрогнула. Это была не кто иная, как Ма Цуйлань, вторая невестка Вань Дунъяна.

Она не ожидала, что Вань Дунъян не шутил и действительно прислал свою невестку, причём самую несговорчивую.

Ма Цуйлань была на несколько лет моложе Лю Цунсян, но характер у неё был боевой. Язык острый, кулаки быстрые — она могла и обругать, и побить. Даже Вань Дунъян, этот сорвиголова, не раз от неё получал. Вся деревня её побаивалась.

Проклиная про себя сегодняшний неудачный день, Лю Цунсян с натянутой улыбкой пошла открывать ворота. Она догадывалась, что Ма Цуйлань пришла разбираться из-за утреннего происшествия, и, не желая платить деньги, решила задобрить её улыбкой.

Ещё до того, как ворота открылись, улыбка на лице Лю Цунсян стала вымученной. Когда же она распахнула их, Ма Цуйлань встретила лишь фальшивая гримаса.

Ма Цуйлань не обратила на это внимания. Кивнув, она без церемоний вошла во двор и сразу перешла к делу.

— Наш третий брат рассказал нам о сегодняшнем происшествии, но мы считаем, что тут есть некоторые неувязки, — прямо сказала она. — Вашей рассады вам самим едва хватает, каждый год вы ещё и у соседей остатки выпрашиваете. Откуда у вас лишняя для нас?

— Сестрица Цуйлань, это... — Лю Цунсян перепугалась до смерти, решив, что та пришла за деньгами!

С ней ей не справиться, денег не уберечь! А если она их отберёт, что она скажет мужу, когда тот вернётся?

Видя, что женщина вот-вот упадёт в обморок от страха, Ма Цуйлань, не зная, что та себе напридумывала, решила больше её не пугать и сказала прямо:

— Поэтому мы не будем требовать с вас рассаду, которую вы всё равно не сможете дать. Отработайте несколько дней. У нас как раз есть работа. Пусть ваш гээр поработает у нас пару дней, и на этом инцидент будет исчерпан.

— А? Всего лишь помочь? — Лю Цунсян пришла в себя, но в голове у неё всё смешалось. Она не понимала, чем её сын может им помочь.

Ма Цуйлань не стала вдаваться в подробности. Сказав всё, что хотела, она повернулась, чтобы уйти. Но, дойдя до ворот, вспомнила наказ своего деверя и добавила:

— Ни ты, ни твой старик нам не нужны. Только твой гээр. Если придёт кто-то другой, мы не примем.

— Не волнуйся, сестрица, он обязательно придёт, обязательно! — двор Лю был огорожен невысоким забором, и Лю Цунсян проводила гостью взглядом, пока та не скрылась из виду.

Обернувшись, она увидела, что сын стоит в дверях кухни и смотрит на неё. Она замахала на него руками и разразилась бранью.

— Что смотришь? Из-за твоих выходов теперь придётся бесплатно работать на семью Вань! Ну и бессовестные же они! Ещё не стали помещиками, а уже используют людей, как батраков!

Её сыну скоро пятнадцать, он был хорошим работником. Она как раз собиралась отправить его вскапывать землю.

На холме за домом было несколько участков целины, и в земле было слишком много камней. Если их не выкопать, то потом намучаешься. После дня посадки батата все пальцы будут в заусенцах, больно до слёз.

Сегодняшний день закончился неудачно, их семья всё-таки пострадала. Лю Цунсян была не в духе и, повысив голос, крикнула в сторону кухни:

— Ах ты, паршивец! В эти дни веди себя тихо, не нарывайся на неприятности! Даже если семья Вань будет использовать тебя, как мула, не жалуйся, работай молча! Иначе этому не будет конца, так и будешь на них бесплатно пахать!

— Я знаю, — коротко ответил Лю Цишуан, не желая спорить с матерью.

Услышав из уборной кашель, он поспешно налил воды в кувшин. Горячая вода была готова, нужно было отнести её дедушке.

Выйдя с горячей водой во двор, Лю Цишуан невольно посмотрел в сторону дома семьи Вань. Но из-за расположения их дома он не мог видеть даже крыши, не говоря уже о самих людях. И всё же он несколько раз с тоской взглянул в ту сторону.

<http://bllate.org/book/13415/1194062>